

Магнитогорск ЛИТЕРАТУРНЫЙ

«Поворот пейзажа»

КНИЖНЫЙ РЯД

С таким названием вышел сборник стихов магнитогорской поэтессы Галины Лещинской. Ветеран городского литературного движения, она вправе была рассчитывать на выход книги еще в семидесятых годах.

ГАЛИНА ЛЕЩИНСКАЯ
ПОВОРОТ ПЕЙЗАЖА

Но обстоятельства сложились так, что многие годы пришлось писать в стол. Символично название сборника – «Поворот пейзажа». Дожливо-снежная и пасмурная гамма жизни все же начинала меняться:

*Меняется картина. Холст запятнан.
Где снег? И где вода? Сжигись, срослись.
Из слабых пальцев марта-дилемата
Апрель тихонько вынимает кисть.*

Галина Лещинская – член Союза российских писателей, ведет большую литературную работу, являясь членом жюри конкурса имени Константина Нефедьева. Тонкий литературный вкус, точность и краткость в определениях всегда заставляли прислушиваться к ее мнению, помогают по достоинству оценить произведения авторов.

В одном из ранних философских стихотворений Г. Лещинская глубоко афористична:

*Не знает зрячий, что такое свет.
Он никогда воспеть его не сможет.
И только тот, кто безнадёжно слеп,
О свете песнь вальсующую сложит.*

Весь сборник озарен внутренним светом души автора, подкупает простыми и в то же время глубокими откровениями.

Александр ПАВЛОВ.

Новая шапка Степана

Сколько Степан пролежал без сознания, он не знал. Очнувшись от шума в голове. Вязкий шум мешал ему сосредоточиться. Лишь небольшая искорка промелькнула в сознании – жив. Возле него никого не было. Солончатый комок во рту мешал дышать, и Степан сплюнул. Со спины почувствовал холод. С трудом повернулся на бок и стал приподниматься, но рука соскользнула, и он больно ударился плечом. Шум в голове утихал. Память постепенно восстанавливала лагерьный день...

Еще утром из пятого барака к нему подошел лагерьный меняла Хмырь, у которого за пайку хлеба можно выменять любую вещь. Он протянул Степану совсем новую шапку. Такие шапки он видел перед войной. Мягкая и теплая, она понравилась Степану, но он не мог толком понять, каким путем эта шапка оказалась за колонией проволок в лагерьной зоне.

– Пайка – твой, – протянул Хмырь шапку Степану. Лишней пайки у Степана никогда не было. Об этом знал Хмырь.

– Ладно, – решительно сказал он, – махнем не глядя. Шапка Степана, грязная, много повидавшая за годы лагерной жизни, никак не подходила для такого обмена или, как принято говорить, «без приварка».

– Бери, пока добрый, – как бы читая его мысли, сказал Хмырь, – махнем без приварка. Она была как раз впору. Обменом он был доволен. Все произошло так быстро, что Степан не успел осознать причину столь неравного обмена.

Прозвучала команда на обед.

Выстроившись друг за другом, заключенные пошли к раздатке, которая была на углу пищеблока в виде окна, огороженного железной изгородью. Прутья изгороди располагались так, что одной рукой надо было успеть схватить просунутую в них миску, а другой – брошенный кусок черного хлеба, пополам с опилками мутная, словно после стирки белья, бряквенная баланда. Иногда удавалось, пристроившись в конце большой очереди и сунув миску вторично, получить еще одну порцию этой бурды. Хотя за получение второй порции провинившегося строго наказывали старшие барака – уголовники. Перед этим они заключали пари на то, кто с первого удара замертво свалит провинившегося.

Это им удавалось легко, так как многие военнопленные были настолько истощены, что еле еле передвигались. Особенно часто выигрывал пари уголовник по кличке Зверь. Очень редко удавалось остаться в живых после удара его пудового кулака. Военнопленные следили за его ударом и искали способ его смягчения. Некоторые говорили, что если в момент удара отпрыгнуть, то он будет не таким сильным.

Выставив длинную очередь, Степан сунул миску между прутьями второй раз. Барачный, вместо того чтобы плеснуть баланду, глядя на его голову, с силой ухватил Степана за кисть. «Второй раз лезешь, скотина!» – крикнул он и резко подтянул Степана к прутьям. Его колнуло, словно током.

– Шапка! Не такая, как у других! Вот почему Хмырь поменял ее! Расправа была коротка. Из раздатки показался Зверь. Он улыбался своей садистской улыбкой, потирая левой рукой кувалдообразный кулак, и медленно подходил к Степану. Степан собрал последние силы и сознательно подготовился принять этот смертельный удар.

– Добавочки захотел? – ощерился Зверь. – Сейчас добавлю! И с силой профессионального убойщика ударил Степана в лицо.

От удара его худое тело отлетело далеко назад. Степан, теряя сознание, как сквозь вату, услышал команду Зверя: «На сковородку!» «Сковородка» представляла собой рваную, залитую как каток, круглую площадку с небольшим лагерьным барьером. Она, в основном, предназначалась для того, чтобы тело, замерзая, было ровным, как доска. Это давало возможность с немецкой аккуратностью складывать замерзших мертвецов в штабеля. На «сковородку» иногда попадали живые «доходяги», которых принимали за умерших. И они, очнувшись, выползали оттуда. Некоторые доползали до края лагерьного борта, но преодолеть границу жизни удавалось немногим.

Ни одному заключенному не разрешалось помогать «крабу» на «сковородке». Вернуть в санблок можно было только тогда, когда «краб» сам преодолел этот лагерьный бугор.

Первой мыслью, мелькнувшей в голове Степана, была ос-

Родился в 1924 году в Донецке на Украине в семье потомственного уральского казака. В 1931 году отец завербовался на Магнитострой, пустил первую думу, работал первым горным. В конце войны Виктор поступил в МИТ, работал техником-электриком, мастером по КИП и автоматике. Публиковался в «Магнитогорском металле».

Нарисуем лето!

Лидия Павленко. Ее стихи впервые были опубликованы в 1988 году в газете «Магнитогорский рабочий». Дважды стипендиат международной программы «Новые имена» (1990 и 1991), финалист всероссийского конкурса «Сыны Отчества» (1995), лауреат городского конкурса «Дебют» (1993). Автор стихотворных сборников «Серебряный дым» (Магнитогорск, 1998) и «Вечер – попури» (Магнитогорск, 2001).

Бывает день:
Все смято, глупо, рвано,
И никуда не деться от помех:
То искочит пружина из дивана,
То из груди – маниакальный смех.

Ничто не ладится – ни мысли, ни творенья,
И спотыкаюсь даже о себя.
Часы текут распенным вареньем,
Сомнения за сердечко терять.

Летят из рук намыленные бляды,
Из уст – неосторожные слова.
И хочется под панцирь затянуться,
Чтобы снаружи – только голова...

Ну, что за день! Сплошная суматоха.
И думаешь: «Скорей бы он прошел!»
Одна надежда: раз сегодня плохо,
То завтра точно будет хорошо!

Долой февраль!
Мы нарисуем лето
На полотно зашпаклеванных окон.
Вот выбились черемуховый локон
Из-под косынки солнечного света:
Дождя выпрыскает нищенка-лопух,
Протягивая темные ладошки;
И бродяг по траве цветные кошки,
Метут хвостами тополиный пух.

Гоняет мяч босая детвора,
Дежурят на скамейках бабули –
Картинка из грядущего июля,
Которому трехкратное «ура!»

Писатель талантлив, если он умеет представить новое привычным, а привычное – новым.

Сэмюэл ДЖОНСОН

«Я за судьбу твою в ответе»...

ПАМЯТЬ

*Люблю в загаре золотом
твою ступенчатую гору,
в душе моей горит цветком
Магнитогорск – любимый город.
Эвальд Риб – мой отец, всю жизнь
писал. Литературное творчество было
самовыражением его души, духа, да-
вало возможность чувствовать себя
поэтом, прозаиком, просветителем. Он
жаждал общения, общности, соприкос-
новения с миром, с людьми, с самим
собой...*

*Мой край родной,
где в полушалках звездных
Глянется ивы в зеркало реки,
Тропинкой горной вьешь*

*уходят сосны
И плещут в ветках солнца родники.*

И «прживал» он этот диалог всегда влюбленно, страстно, эмоционально, насыщенно. Его голос звучал, захватывая и увлекая аудиторию, получая резонанс в душе другого человека, будь то мужчина, женщина или ребенок. Он говорил о городе, людях, любви, о радости общения с уральской природой, о мужестве, доброте, твердости духа.

Эвальд Риб родился на Волге. Жил в большой многодетной немецкой семье. Он впитал, вобрал в себя определенный пласт немецкой культуры, определенную тональность восприятия судьбы своего народа, судьбы российских немцев.

*Посмотреть поэзии по-немецки,
Как на Волге тихо плываю закат,
Как звезда зажглась на небе детства,
Где нашел свой стихотворный клад.*

В дар от отца получил от мастера сапожника-модельщика, а вместе с ним и удивительную силу духа, веру, оптимизм, стремление к творчеству, созданию, строительству. Сердце матери наполнило его безмерным потоком любви, защищенности, надежды.

*Со стены глядишь сквозь раму,
стоя у дорог...
Без тебя сегодня, мама,
ничего б не смог.*

Именно эту силу отцовско-материнской любви пронес он через войну, репрессии, спецкомандатуру. Она дала ему веру и упорство в изучении «чужого – чуждого – родного» языка, в освоении профессии педагога-музыканта, скрипача, в приобрете-

нии к великим творениям русской культуры, в восхождении по ступеням собственного литературного творчества.

*Немецкий – был родным,
А русский – иностранным...
Язык, что был чужим
И долго нежеланным,
Сегодня стал родным.*

Главной темой его жизни всегда было творчество – литературное, педагогическое, музыкальное. Направленность мысли Риб-педагога имеет пересечение с идеями В. Сухомлинского, который писал о том, что «духовная жизнь ребенка полновесна лишь тогда, когда он живет в мире игры, сказки, музыки, творчества. Без этого он – засушенный цветок».

Суть педагогики Эвальда Карловича звучит именно так: «Не засушить цветок». Содружество, сопричастность слова и звука, умение сделать эти две области помощниками в воспитании музыканта составляли тайну его мастерской, благодаря которой рядом с ним рождались музыканты, наделенные не только блестящим техническим умением, но, прежде всего, желающие стать художниками высокого духа, готовые отдать миру любовь и мастерство.

*Я научу тебя мечтать,
Доверю душу и улыбку,
Чтоб научилась передать
Свое ты сердце сердцу скрипки...*

*...Я все отдам, чтоб ты поняла
Смогла, зачем живем на свете,
Тревожно мне сегодня спать –
Я за судьбу твою в ответе.*

Марина РИБ,
педагог-музыкант.

Потерянное небо

Наталья КАРПЕНЧЕВА. Ее стихотворения привлекли внимание широкого читателя сразу же – с первых публикаций. Сегодня, спустя всего три года после дебюта, она – лауреат престижной литературной премии имени К. Нефедьева в номинации «Поэзия». Учится в МАГУ.

Когда закрывается дверь на замок,
Напрасно протянется к Богу рука.
Непрощеный в горле застрянет комок –
Железная логика в скрипе замка.

Внезапно закончился неба простор,
Ты можешь идти. Но куда? Но зачем?
Лишь эхо шагов донесет коридор,
Унесших мечту оставшая ни с чем.

Когда закрывается небо на ключ –
Лети, куда хочешь!.. Но падаешь вниз
И смодишься из бездны за гонками туч,
И шепчешь чуть слышно:
«Любимый, вернись».

И будешь гореть на горящих мостах,
Что вместе уже не сведут берега.
Последняя правда закрыта в замках.
Железная логика в скрипе замка.

Слезка

Душа.
Глаза.
Щека.
Рука –
Вот путь слезы издали.
Прозрачной каплей росы.
Ее судьба – судьба слезы,
Слезка обиды не хранит,
Она разбилась о гранит,
Под солнцем высохла вчера.
...Прощай, закончилась игра.
Ты посмотри в мои глаза –
Печаль.
И даль.
Не жаль.
Слезка.

Правда

Всмотрись в квадрат окна, моя душа,
Там ложь – и молодая, и хороша.
А правда – обнаженная старуха –
Ревет румчьем и вспыхивает глупо.
Зажмурившись – претит ее уродство,
И с правдой-маткой не находим сходства.
Костлявой мы не узнаем души,
Ее мы облекаем в складки лжи,
И прячем лик в тумане паранджи,
И прячем так, что правды не найти,
Хотя и тлеет искоркой в груди.
Та правда во крови и во плоти.

Ты что-то спросишь – что-то отвечаю,
Прогрызаешь в ноль, срываю банк,
Ломая пальцы и не замечаю
Ни боли и ни треска их фаланг.
Оставь... Я нынче потеряла небо...
Я вышла на прогулку – неба нет...
И наткнусь на прохожих, слепо
Я шла три жизни, чтоб увидеть свет.
Теперь не знаю – был ты или не был.
На самой грани правды и мечты
Нас облаками обнимало небо...
Я обнимаю небо... Где же ты?

Больше они никогда не встречались...

Маша ШАХОВА. Родилась в Магнитогорске. Ученица восьмого класса. Первая публикация была в газете «Магнитогорский металл», печаталась в коллективном сборнике литобъединения «Магнит» «По тонкому льду».

хим... Даже собаку понимают... Она тихо визжит, ее поглаживают, покалывают, поймают... А Юлька некому жалеть, ее не понимают...

– Ах, как я хотела бы стать собакой! – подумала Юлька, как вдруг странное чувство пробежало по телу. Приятный холодок согрел душу, обжег сердце... Тело быстро обрастало густым волосным покровом... Ноги напряглись в прыжке... Зубы удлинились... Обоняние и слух стали улучшаться... Хотелось кричать, но не было голоса, раздавалось лишь тихое ржавканье... Послышались шаги... «Кто-то идет», – сообразила Юлька.

Вот и наступила золотая пора года – осень. Листья медленно кружат в вальсе с ветром. Высокие деревья, словно столбы, гнутся под тяжестью огромного синего неба. Парк тих и безлюден... Только Юлька, как всегда, одна сидит на скамейке в парке. Плохо, когда тебя никто не понимает... Говоришь, да только получается разговор немого с глу-

– Джулька, иди сюда! – сказал мальчик.
Джулька чуть вильнула хвостом, страх одолевал ее...
– Иди, иди, не бойся!
Джулька сделала маленький шаг. Теперь перед Димкой стояла маленькая черная собачка, ее огромные каштановые глаза были наполнены ужасом и недоверием, она тихонько сопела...

– Иди, Джулька!
Собака поджала уши и подошла...
– Какая умная ты, Джулька!
Дима аккуратно погладил собачку, она еще сильнее завильнула хвостом. Димка заглянул в ее печальные глаза: «Тебе грустно! И мне тоже! Джуля, можно я открою тебе свою самую большую тайну! Ведь ты же никому не рассказываешь?»

Джулька прыгнула на лавку, села, поджала уши и стала внимательно слушать...
– Знаешь, Джулька, меня никто не понимает, мне всегда грустно...

Джульке хотелось закричать, но раздался лишь громкий лай...
– Хорошая девочка! Умница! Пойдем со мной! – сказал Димка.
Джулька тихонько прыгнула на скамейку и положила морду Диме на колени.

– Джуля! Джулька! Хорошая моя! Красавица!
Наконец-то у Джульки появился друг. Как давно она хотела, чтобы ее погладили и пожалели... И вот у нее есть Димка. Жаль только, что она не может рассказать ему о себе...

– Джуля, пойдём домой! – сказал Димка. Он аккуратно взял Джульку на руки и понес к себе домой.
Ах, как хорошо жилось Джульке у Димки. Каждый день Димка с Джулькой играли вместе. А вечером Димка рассказывал ей все, что накопилось у него на душе.
– Знаешь, Джулька, ты мой самый лучший друг, которого раньше у меня не было. Я буду тебе все рассказывать, а ты никому этого нико-

да не скажешь! Да, собака – лучший друг человека. Знаешь, Джулька, меня никто раньше не понимал, не слушал и не слышал, не разделял моих чувств и страданий, но ты, Джуля, – он заглянул в ее хрустальные глаза, наполненные слезами, – Джуля, ты плачешь! Твои глаза, будто когда-то во сне видел я их.

Джуля, у тебя добрая собачья душа и чистое человеческое сердце. Я люблю, тебя, Джуля!
– Я тоже, тоже тебя люблю, Димка! – закричала Джуля, но раздался лишь лай.

Джуля лежала на коврик перед диваном, прижав уши.
– Пойдем, Джуля, – позвал Димка.
Джуля чуть вильнула хвостом и повиновалась.

Вот Джуля и Димка пришли в парк на знакомую скамейку.
– Понимаешь, Джуля, – начал Димка, – меня забирают в армию. Из кустов вышли два наркомана. Увидев, что Димка разговаривает

с Джулькой, они засмеялись:
– Посмотри! Придурак! С собакой разговаривает!
Они подошли к Димке и пули его по коленке. Джулька оскалила зубы, они схватили ее за шкуру.
– Не трогайте ее! – кричал Димка.
– Смори, как твоя собака будет умирать!
– Нет, – кричала Джулька.
Они избили Димку, потом взяли веревку и обвязали ее вокруг горла собаки. Тугая веревка зажала горло, стало трудно дышать, хотелось кричать, но голоса не было. Вдруг Джулька почувствовала под собой твердую землю, она снова стала человеком, той самой Юлькой. Наркоманы, напугавшись, убежали.

– Дима, – крикнула Юлька.
Он поднял голову, его глаза были полны непонимания и страха.
– Дима!... – почти шепотом произнесла Юлька. Девочка напугалась и убежала.

Больше они никогда не встречались.